

A man and a woman are shown in a close embrace in a grand, ornate ballroom. The man is wearing a dark, possibly black, leather coat with gold embroidery on the collar and cuffs. He has dark hair and is looking down at the woman. The woman has blonde hair and is wearing a strapless, floor-length gown with intricate gold and silver embroidery. She is looking up at the man. The background is a highly detailed, opulent interior with large chandeliers, ornate columns, and a polished floor that reflects the light. The overall atmosphere is one of luxury and elegance.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Вор Ворон

Сергей Патрушев

Вор Ворон

<https://litres.ru/74322909>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он был никем — уличным воришкой из Нижнего города, пока не попытался обокрасть не того человека. Вместо смерти ему предложили Испытание. Так Дмитрий стал Вороном — лучшим вором клана Ночных Клинков, легендой, чьё имя произносят шёпотом, а чёрное перо на месте преступления заставляет дрожать даже аристократов.

У славы есть цена. Завистливый соперник предаёт его, следователь Имперской канцелярии начинает охоту, а собственный клан объявляет Ворона вне закона. Лишённый стаи, раненый, загнанный, он мог бы исчезнуть, но вместо этого решает украсть то, чего у него не было никогда, — власть.

Теперь Ворон возвращается, чтобы разрушить тех, кто его предал, и доказать: легенду нельзя убить, можно лишь стать ею.

Содержание

Глава 1. Пепел и перья

4

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Сергей Патрушев

Вор Ворон

Глава 1. Пепел и перья

Нижний город встретил его привычной вонью — густой, многослойной, въевшейся в сам камень стен. Это был запах гниющих овощей, выброшенных торговцами еще на прошлой неделе, запах застарелого пота, насквозь пропитавшего одежду рабочих, возвращающихся с мануфактур, и запах сырого, покрытого мхом камня, из которого были сложены эти бесконечные лабиринты узких улочек. Туман, густой и липкий, словно дыхание умирающего зверя, полз по мостовым, обволакивая прохожих, забираясь в проулки и стирая очертания домов. Он оседал на одежде влажной пленкой, проникал в легкие, заставляя кашлять, и создавал ощущение, будто весь мир вокруг погружен в какое-то вязкое, полупрозрачное молоко.

Здесь, в лабиринте кривых улиц и шатких лестниц, в этом хаосе из покосившихся лачуг, грязных лавок и зловонных сточных канав, Дмитрий чувствовал себя почти невидимым. Почти. Он знал каждый выщербленный камень, каждую про-

гнившую доску, каждый темный угол, где можно было раствориться, стать лишь тенью среди теней. Он знал, где лучше всего прятаться от стражников, где можно незаметно переждать облаву, где находятся тайные проходы, о которых не знали даже местные жители. Он знал, какие крыши выдержат его вес, а какие рухнут под первым же шагом. Он знал, где лают собаки, а где можно пройти бесшумно, не потревожив даже мышь.

Он стоял, прислонившись к холодной стене пекарни, и наблюдал. Это была его поза — чуть сутулая, расслабленная, но в этой расслабленности таилась пружина, готовая разжаться в любой момент. Со стороны он выглядел как обычный бездельник, убивающий время, но на самом деле каждая мышца его тела была напряжена, готова к мгновенному действию. Острый нос рассекал сырой воздух, улавливая малейшие изменения в запахах — аромат свежего хлеба из пекарни, вонь дешевого табака, исходящую от проходящих мимо матросов, слабый, почти неуловимый запах духов, говорящий о присутствии дамы из Верхнего города, которая, вероятно, пришла сюда на тайное свидание. Черные, как вороново крыло, волосы, выбиваясь из-под низко надвинутого капюшона, падали на лоб, отбрасывая тень на глаза. Глаза, которые, казалось, не пропускали ничего.

Они скользили по толпе с той особой, почти нечеловече-

ской внимательностью, которая вырабатывается лишь у тех, кто годами вынужден жить за счет чужой невнимательности. Они выхватывали детали, недоступные обычному зеваке: рыхлый кошель на поясе у купца, слишком увлекшегося спором о цене на шерсть — этот кошель был привязан слишком слабо, и Дмитрий уже прикидывал, сколько времени потребуется, чтобы его срезать; излишне осторожный взгляд слуги, прячущего что-то за пазухой — этот, очевидно, украл у своего господина и теперь боится быть пойманным; легкую хромоту городского стражника, которая делала его неповоротливым в правую сторону — этот не представлял угрозы, его легко обойти. Были и другие, менее очевидные детали: женщина, прижимающая к груди сверток, слишком трепетно для простого товара — возможно, там что-то ценное; молодой человек, чересчур нервно поглядывающий на окна верхних этажей — наверняка ждет кого-то; старик, продающий с лотка дешевые амулеты, чей взгляд был слишком проницательным для простого торговца — этот мог быть осведомителем.

Дмитрий ждал.

Он не был похож на местных громил, что вырывали кошельки грубой силой, действуя нагло и открыто, полагаясь на свои кулаки и страх жертвы. Эти обычно долго не жили — либо попадали в руки стражи, либо погибали в пьяных

драках, либо заканчивали свои дни на виселице, болтаясь в петле под улюлюканье толпы. Дмитрий презирал их. Он считал их грубыми, неотесанными животными, которые портят ремесло, привлекая к нему ненужное внимание. Его метод был тоньше, изящнее, незаметнее. Он был призраком, дуновением ветра, случайным движением в толпе. Одно неверное касание — и кошелек, теплый от чужого тела, уже лежал в его руке, а его владелец шел дальше, не заметив потери. Лишь через квартал он обнаруживал пропажу и раздражался бранью, но было уже поздно — Ворон исчезал, растворяясь в лабиринте улиц, как утренний туман под лучами солнца.

Это было искусство. Искусство, которое Дмитрий оттачивал годами, начиная с самых малых лет, когда, еще будучи голодным мальчишкой, он учился незаметно таскать еду с лотков, за что не раз получал крепкие оплеухи и тычки. Тогда это было просто выживание. Теперь это стало чем-то большим — способом существования, частью его личности, его вторым "я". Он не мог представить себя занятым чем-то другим. Это было его призвание, его судьба, его проклятие. Он был Вороном — бесшумным, незаметным, вечно наблюдающим. И этим все было сказано.

Сегодня ему нужна была хорошая добыча. Арендная плата за его каморку под крышей старого кожевенного завода, что стоял на самой границе Нижнего города, снова вырос-

ла. Хозяин, толстый и алчный, как уличная крыса, не принимал оправданий. Этот человек, казалось, испытывал особое удовольствие от того, что выжимал последние соки из своих жильцов, большинство из которых были такими же отверженными, как и сам Дмитрий. У него были маленькие, заплывшие жиром глазки, в которых читалось лишь одно — жажда наживы. Он никогда не интересовался, откуда его жильцы берут деньги на оплату, ему было все равно, лишь бы монеты звенели в его кошельке. Но если денег не было — он не знал пощады, выбрасывая нерадивых плательщиков на улицу, невзирая на погоду и время года. Дмитрий знал, что если он не заплатит в срок, его ждет та же участь. А оказаться на улице в преддверии зимы — верная смерть.

Нужны были монеты, и не медяки, а звонкое серебро. Желательно, не меньше пяти-шести серебряных. А лучше — золото. Один золотой мог бы решить все его проблемы на несколько месяцев вперед, позволил бы не только заплатить за жилье, но и купить новую одежду, приличную еду и, возможно, даже отложить немного на черный день. Но золото в Нижнем городе — редкость. Те, кто им обладал, обычно не ходили по улицам без охраны, а связываться с охраной Дмитрий не хотел. Это был слишком большой риск.

Взгляд его зацепился за фигуру, появившуюся из-за поворота. Мужчина, невысокий, но крепкий, одетый нарочи-

то просто — в темно-серый шерстяной плащ с капюшоном. Но Дмитрий сразу уловил фальшь. Слишком чистая одежда для Нижнего города, слишком дорогой сапог, выглядывающий из-под полы, слишком уверенная, даже вальяжная походка. Такие люди не здесь, они ходят по широким, освещенным магическими фонарями проспектам Верхнего города, где стража ловит каждого подозрительного оборванца. Этот человек был чужаком, но не провинциалом, впервые попавшим в большой город. Нет, он был кем-то другим. Он был хищником, случайно забредшим на чужую территорию, и это делало его либо очень опасным, либо очень глупым. Дмитрий склонялся к первому варианту, но алчность, эта вечная спутница уличных воров, уже начинала шептать ему на ухо, заглушая голос осторожности.

Но самым главным был кошелек. Он висел на боку, притягивая взгляд, словно магнит. Тяжелый, туго набитый, с золотой нитью, поблескивающей в тусклом свете редких масляных фонарей. Этот блеск манил, обещал решение всех проблем на месяцы вперед. Он был словно маяк в темном море нищеты, указывающий путь к спасению. Дмитрий не мог оторвать от него взгляд. Он чувствовал, как его сердце начинает биться быстрее, как адреналин наполняет кровь, как обостряются все чувства. Это было знакомое ощущение — предвкушение охоты. Оно было сильнее голода, сильнее усталости, сильнее страха. Это был наркотик, от которого он

не мог отказаться.

Человек был чужаком, слишком высокомерным, чтобы считать себя целью для уличного вора. Он не обращал внимания на кишашую вокруг нищету, его взгляд был устремлен куда-то вперед, вглубь темных улиц. Казалось, он искал что-то или кого-то, но не хотел привлекать к себе внимание. И это было странно. Человек его статуса, забредший в Нижний город, обычно либо искал дешевых развлечений, либо участвовал в каких-то сомнительных сделках. В любом случае, он был здесь не просто так. Но Дмитрия это не волновало. Его волновал только кошелек. Все остальное было неважно.

Дмитрий почувствовал знакомый холодок в груди — азарт. Это было чувство, которое он испытывал каждый раз перед тем, как совершить кражу. Оно было сродни тому, что испытывает игрок, делая ставку на кон. Это была смесь страха, возбуждения и уверенности в своих силах. Он выждал, пока мужчина не пройдет мимо него, и скользнул следом, держась в тени, на безопасном расстоянии. Толпа, как живой организм, обтекала его цель, создавая небольшие проходы, которыми Дмитрий беззвучно пользовался. Он слился с ней, став еще одним безликим силуэтом в лабиринте Нижнего города. Он был тенью, отражением в мутной воде, эхом шагов. Никто не смотрел на него, никто не замечал его присутствия. Он был невидим.

Он следил за своей целью с той особой сосредоточенностью, которая позволяла ему предвидеть каждый шаг, каждое движение, каждое изменение направления. Он изучал походку незнакомца, ритм его шагов, манеру держать голову, движение плеч. Он пытался прочесть его мысли, предугадать его намерения. Куда он идет? Свернет ли он налево или направо? Остановится ли он, чтобы рассмотреть товары в лавке, или пройдет мимо? Все эти детали были важны. Они могли означать разницу между успехом и провалом, между жизнью и смертью. Дмитрий был охотником, и его добыча не должна была заметить его приближения.

Цель свернула в узкий проулок, явно срезая путь. Это была ошибка. В Нижнем городе нет коротких путей, есть только более темные и опасные. Здесь, вдали от главных улиц, не было ни фонарей, ни прохожих, ни стражников. Здесь царили лишь мрак, сырость и запустение. Это было идеальное место для нападения, и Дмитрий не мог поверить своей удаче. Человек, очевидно, не знал местных порядков. Он был либо слишком самоуверен, либо просто глуп. В любом случае, это играло Дмитрию на руку.

Он улыбнулся уголком губ. Удача сегодня была на его стороне. Он давно не испытывал такого прилива адреналина. Последние несколько недель были трудными — мало добы-

чи, много опасностей, постоянная нехватка денег. Но теперь все должно было измениться. Этот кошелек решит все его проблемы. Он купит себе новую одежду, приличную еду, заплатит за жилье вперед на несколько месяцев. Может быть, даже позволит себе немного отдохнуть, не думая о завтрашнем дне. Но сначала нужно было повернуть дело.

Проулок был пуст, если не считать пары куч мусора и спящего в канаве бродяги. Этот бродяга, судя по всему, был мертвецки пьян и не представлял никакой угрозы. Стены домов смыкались высоко над головой, оставляя лишь узкую полоску затянутого тучами неба. Сверху, с крыш, за ними, возможно, наблюдали чьи-то глаза, но это было неважно. В Нижнем городе каждый занимается своим делом, и никто не вмешивается в чужие проблемы. Идеальное место для охоты. Дмитрий ускорил шаг, но не слишком, стараясь, чтобы его шаги не были слышны за мягким чавканьем сапог его жертвы в грязи. Он двигался бесшумно, как призрак, каждое его движение было отточено до автоматизма.

Он приблизился на расстояние вытянутой руки. Теперь он мог разглядеть детали одежды незнакомца — грубую, но качественную шерсть плаща, аккуратные швы на рукавах, едва заметный узор на капюшоне. Это была одежда человека, который знает цену деньгам и не привык экономить на себе. Это еще больше укрепило уверенность Дмитрия в том, что

добыча будет стоящей. Он мог уже почти ощущать тяжесть кошелька в своей руке, слышать звон монет. Еще мгновение, и все будет кончено.

Вот он. Заветный кошелек. Ткань плаща чуть развевается при ходьбе, приоткрывая его. Дмитрий видел его так ясно, словно в яркий солнечный день. Кожаный кошелек, туго набитый, с золотой нитью, поблескивающей в тусклом свете. Он был так близко, так доступен, что Дмитрий на секунду замер, наслаждаясь моментом. Но лишь на секунду. Затем его пальцы, ловкие и чуткие, как у хирурга, потянулись вперед. Он знал точную амплитуду, точный угол, точную силу касания, чтобы срезать кожаный ремешок, не потревожив саму цель. Это было искусство, отточенное годами до автоматизма. Легкое, как перышко, касание, и...

Мир взорвался вспышкой боли.

Рука, стальная и быстрая, как бросок змеи, перехватила его запястье в самый последний момент. Пальцы сомкнулись, словно капкан, сдавливая кость. Боль была острой, пронзительной, парализующей. Дмитрий вскрикнул от неожиданности и боли, его тело рванулось назад, но хватка была мертвой. Он попытался вырваться, но это было бесполезно. Рука держала его крепко, как клещами. Он был пойман, как муха в паутину.

Чужак резко развернулся, увлекая его за собой и впечатывая лицом в шершавую кирпичную кладку. Острая боль пронзила скулу, рот наполнился металлическим привкусом крови. Он почувствовал, как что-то теплое стекает по его лицу, и понял, что это кровь. Его прижали к стене с такой силой, что он едва мог дышать. Его рука была вывернута за спину под таким углом, что, казалось, еще немного — и она сломается. Боль пульсировала в плече, отдавая в шею и спину. Он был беспомощен, как новорожденный котенок.

— Ты думал, я тебя не заметил, вороненок? — голос был тихим, но в нем звенела такая сталь, что по спине Дмитрия побежали мурашки. Не было в нем ни грубости, ни злобы, только ледяное, убийственное спокойствие. Это был голос человека, который привык к насилию, но не испытывает от него ни удовольствия, ни отвращения. Это было просто средство достижения цели. — Я тебя заметил еще у пекарни.

Сердце Дмитрия ухнуло в пятки. Его раскрыли с самого начала. Все это было игрой. Кошка, наблюдающая за мышью, прежде чем выпустить когти. Он почувствовал себя полным дураком, ничтожеством, жалкой букашкой под сапогом великана. Его самоуверенность, его многолетний опыт, его отточенные навыки — все это оказалось бесполезным. Его переиграли с самого начала. Страх — липкий, холодный, жи-

вотный — сковал его, но он заставил себя мыслить. Проулок, ночь, чужак... нет, не чужак. Теперь, вблизи, он увидел на его поясе, рядом с тем самым кошельком, который теперь насмеялся над ним, короткий кинжал в ножнах. На рукояти, выглядывавшей из-под плаща, был выгравирован символ — распахнутые крылья ночной птицы, чьи когти сжимали кинжал. Знак Ночных Клинков.

Внутри все оборвалось. Ночные Клинки. Могущественный клан, контролирующий половину нелегальной торговли в городе. Их боялись не меньше, чем городскую стражу, а возможно, и больше. Стража хотя бы следовала букве закона, пусть и продажного. У Клинков не было закона, кроме воли их главы. И воля эта была беспощадна к тем, кто переходил им дорогу или посягал на их собственность. Они были вездесущи и невидимы, они слышали все шепоты и видели все тени. Они были кошмаром, который становится реальностью.

Дмитрий понял, что совершил нечто непростительное. Он, мелкий карманник, попытался обокрасть одного из них. За такое отрезают руки. В лучшем случае. Он слышал истории о том, что случалось с теми, кто осмелился перейти дорогу Ночным Клинкам. Одних находили с перерезанным горлом в сточных канавах, других — повешенными на городских воротах в назидание остальным. Некоторые просто

исчезали, не оставив следа, словно их никогда и не было. И вот теперь он, Дмитрий, по прозвищу Ворон, оказался в самом центре этого кошмара.

— Я... я не знал, господин, — прохрипел он, чувствуя, как струйка крови из разбитой губы стекает по подбородку. — Простите. Отпустите меня. Я все отдам.

— Ты ничего не можешь мне отдать, кроме своей шкуры, — усмехнулся Клинок, и его хватка стала еще сильнее. Дмитрий зашипел от боли. — Ты глуп. И нагл. Худшее сочетание для того, кто хочет выжить. Как твое имя, вороненок?

— Дмитрий, — выдохнул он, не видя смысла лгать.

— Дмитрий... — человек из клана словно пробовал имя на вкус. — Хотя нет. Тебе больше подходит то, как тебя называют в этих трущобах. Ворон. Да, я слышал о тебе. Мелкая шпана, но с хорошими инстинктами. Видимо, инстинкты тебя сегодня подвели.

Он дернул Дмитрия назад и, развернув лицом к себе, с силой прижал к стене, придавив предплечьем к горлу. Перед глазами Дмитрия оказалось лицо его мучителя: узкое, бледное, с тонкими губами, искривленными в холодной улыбке, и глазами, темными и пустыми, как колодцы, полные ледя-

ной воды. Ни капли человеческого тепла, лишь расчет и презрение. В этих глазах не было ничего — ни жалости, ни гнева, ни даже простого человеческого любопытства. Это были глаза человека, который видел так много смертей, что они перестали его волновать.

— И что мне с тобой делать? — задумчиво произнес Клинок, глядя на него так, будто рассматривал раздавленное насекомое. — По правилам я должен перерезать тебе глотку прямо здесь и оставить крысам. Или отрубить кисть и повесить ее тебе на шею, чтобы другим было неповадно. Это было бы разумно.

Свободной рукой он вытащил кинжал. Лезвие тускло блеснуло в полумраке, отражая далекий свет уличного фонаря. Это было не просто оружие — это был приговор, подписанный и готовый к исполнению. Дмитрий сглотнул, чувствуя, как холодный металл начинает наполнять его вены. Он не хотел умирать. Не так. Не здесь, в грязном проулке, как бездомная собака. Он хотел жить, хотел выбираться, хотел... всего. Жажда жизни, примитивная и мощная, вспыхнула в нем с новой силой, перекрывая страх. Он вдруг остро осознал, как много он еще не сделал, как много не увидел, как много не испытал. Он был молод, и жизнь, несмотря на все ее тяготы, была ему дорога.

— Убьете — и потеряете возможность, — слова вырвались хрипом, с трудом пробиваясь сквозь сдавленное горло. Он сам не знал, что говорит, отчаянно цепляясь за любой шанс. Это была мольба, замаскированная под деловое предложение. Это было последнее средство, последняя соломинка, за которую он хватался, падая в пропасть.

Клинок вопросительно поднял бровь. Лезвие замерло у самого горла Дмитрия. Казалось, даже воздух вокруг замер в ожидании. Дмитрий чувствовал холод металла у своей кожи, чувствовал, как бьется его сердце, готовое выпрыгнуть из груди. Он понимал, что от следующих нескольких секунд зависит его жизнь. От того, что он скажет, от того, как он это скажет, от того, как отреагирует на это человек из клана.

— Возможность? — в его голосе впервые прозвучало нечто, похожее на интерес. — И какую же возможность дает мне твоя жалкая жизнь?

— Я знаю эти улицы. Я знаю людей. Я быстр, бесшумен. Меня называют Вороном не просто так. Я появляюсь из ниоткуда и исчезаю в никуда. Вы могли бы использовать такого.

Слова лились из него, как дешевое вино из перевернутой бутылки. Это была мольба о пощаде, замаскированная под деловое предложение. Он сам себе был противен, но уми-

рать было страшнее. Он говорил все, что приходило ему в голову, надеясь, что хотя бы одно слово зацепит этого человека, заставит его задуматься, даст ему повод сохранить жизнь. Он говорил о своих навыках, о своем знании города, о своей способности быть незаметным. Он говорил о своей преданности, хотя сам не верил ни единому своему слову. Он просто хотел жить.

Клинок молчал, изучая его. Это молчание тянулось мучительно долго, дольше, чем сама боль. Дмитрий видел, как в глубине этих темных глаз что-то мелькнуло. Не жалость, нет. Скорее, холодный расчет. Взвешивание. Оценка. Словно он приценивался к хромой лошади на рынке. Дмитрий чувствовал себя вещью, товаром, который можно купить или выбросить. Это было унижительно, но он стерпел. Стерпел, потому что выбора не было. Стерпел, потому что жизнь была дороже гордости. Стерпел, потому что он был Вороном, а Ворон умеет приспосабливаться.

— Ворон... — повторил он, наконец, и убрал кинжал в ножны. Давление на горло ослабло, и Дмитрий с жадностью вдохнул сырой воздух. Это было сладчайшее ощущение — воздух наполнил легкие, возвращая жизнь в измученное тело. — В этом что-то есть. Ты прав, твое имя здесь знают. И твоя дерзость... она может быть полезна. Но наивно полагать, что я поверю на слово уличному вору.

Он отпустил Дмитрия, и тот, потирая шею, сполз по стене, но остался стоять, не смея пошевелиться. Бежать было бессмысленно. Да и куда? Весь Нижний город — паутина, а Ночные Клинки — пауки. Они найдут его везде, в любой дыре, в любой канаве. От них не скрыться, от них не убежать. Единственный шанс — принять их условия, какими бы чудовищными они ни были. И Дмитрий это понимал. Он стоял, вжимаясь спиной в холодную стену, и ждал решения своей судьбы. Он не смел поднять глаза, не смел пошевелиться. Он просто ждал.

— У тебя есть два пути, Ворон, — произнес Клинок, отряхивая рукав. Его голос звучал ровно, почти скучающе, словно он говорил о погоде. — Первый — это быстрая и тихая смерть. Прямо сейчас. Я сделаю это без злобы, как избавляю от назойливого насекомого. Твоя кровь удобрит землю этого переулка.

Он сделал паузу, наслаждаясь эффектом. Дмитрий молчал, глядя на него исподлобья. Он не хотел показывать свой страх, хотя тот уже почти полностью овладел им. Он заставлял себя держаться, заставлял себя не дрожать, не отводить взгляд. Это было единственное, что ему оставалось — сохранить хотя бы видимость достоинства перед лицом неизбежного.

— Второй — более интересный. Ты пройдешь Испытание. Это наш старый обычай для тех, кто хочет вступить в клан. Если выживеешь — ты станешь одним из нас. Твоя вина будет прощена, твоя жизнь будет принадлежать клану, а взамен ты получишь защиту, силу и цель.

Дмитрий почувствовал, как мир вокруг начинает вращаться. Вступить в клан? В Ночные Клинки? Об этом он не смел даже мечтать. Его мир — это карманы прохожих и грязные каморки. А тут — сам клан. Это было все равно что предложить уличной крысе стать придворным. Но он понимал, что за красивой оберткой скрывается смертельная наживка. Испытание. Само слово звучало зловеще, как приговор. Что это могло быть? Бой с опытным убийцей? Проникновение в охраняемую крепость? Кража у самого главы клана? Воображение рисовало одну картину страшнее другой. Но выбора не было.

— Что за Испытание? — тихо спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Это тебе расскажут, если согласишься, — отрезал Клинок. — Скажу лишь, что оно не из легких. Большинство... не возвращаются. Но те, кто возвращается, обретают новую судьбу. Новую жизнь. Новые возможности. Они становят-

ся частью чего-то большего, чем они сами. Они становятся Клинками.

Он вытащил из-за пазухи небольшой черный камень, отполированный до блеска, с выгравированным на нем все тем же символом — когтистой птицей. Камень был холодным, словно лед, и тяжелым, несоразмерно своему размеру. В нем чувствовалась какая-то странная, темная энергия, словно он впитал в себя всю тьму и боль этого города. Дмитрий смотрел на него заворуженно, не в силах отвести взгляд. Этот камень был символом его возможного будущего — либо смерти, либо новой жизни.

— Это твой пропуск, если решишься. Завтра, на закате, придешь к "Гнезду". — Он кивнул в сторону старой, полуразрушенной колокольни, что возвышалась над крышами Нижнего города, словно черный палец, указывающий в небо. Эта колокольня была известна каждому жителю Нижнего города, но мало кто осмеливался приближаться к ней. Говорили, что там обитают призраки, что там происходят таинственные обряды, что оттуда не возвращаются. Теперь Дмитрий понимал, что эти слухи были недалеки от истины. — Покажешь камень у входа. Тебя проводят. Если не придешь... я найду тебя, и тогда уже без вариантов. Наш разговор не оставит после себя свидетелей, которые решили, что они умнее Клинка. Ты понял меня, Ворон?

Дмитрий кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Горло перехватило, язык словно прилип к нёбу. Он понял все. Он понял, что у него нет выбора. Точнее, выбор был — между быстрой смертью сейчас и возможной смертью завтра. Но в последнем варианте был хотя бы призрачный шанс на выживание. И этот шанс был дороже всего на свете.

Клинок бросил ему камень, и тот упал в грязь у его ног. Затем, не прощаясь, человек развернулся и растаял в тенях проулка так же бесшумно, как и появился. Только запах дорогой кожи и слабый аромат какого-то странного масла еще витал в воздухе, напоминая о его присутствии. Дмитрий смотрел ему вслед, но видел лишь темноту. Клинок исчез, словно его и не было, словно он был лишь плодом воображения, кошмаром, порожденным страхом и усталостью.

Дмитрий остался один. Он стоял, прислонившись к холодной стене, и смотрел на черный камень, лежащий в луже. Его была мелкая дрожь — запоздалая реакция на пережитый страх. Перед глазами все еще стоял тот пустой, ледяной взгляд, который, казалось, заглянул в самую его душу и не нашел там ничего, кроме пыли. Он чувствовал себя опустошенным, выжатым, словно из него вынули все внутренности и заменили их холодным камнем. Он не мог ни о чем думать, не мог ничего чувствовать, кроме этого всепоглощающего

холода.

Он наклонился, поднял камень и стер с него грязь. Тот был безупречен. Тяжелый, холодный, он, казалось, пульсировал в его ладони, наполненный странной, опасной силой. Символ Ночных Клинков — распахнутые крылья и когти. Теперь этот символ лежал на его ладони, словно клеймо, выжженное на коже. Этот камень был его приговором, его пропуском, его проклятием. Он был символом того, что старая жизнь закончилась, и началась новая, полная неизвестности и опасностей.

Выбор? Какой у него был выбор? Смерть или Испытание? Это был выбор между быстрым концом и призрачной надеждой. Надеждой, возможно, на еще более мучительную смерть. Но эта надежда была. И она цеплялась за него сильнее, чем стальная хватка того человека. Надежда — это то, что движет всеми живыми существами. Надежда на лучшее, надежда на спасение, надежда на чудо. И Дмитрий, как и все, был подвержен этой слабости. Он хватался за эту надежду, как утопающий хватается за соломинку.

Он поднял голову к небу. Сквозь рваные клочья тумана он увидел, как первые хлопья пепла, поднятые ветром с пожарищ на пустошах, медленно кружась, падают вниз. Они были похожи на черные перья, выпавшие из крыльев огром-

ной птицы. Это было странное зрелище — пепел, падающий с неба, как снег. Он опускался на крыши, на улицы, на людей, покрывая все тонким серым слоем. Это был пепел разрушения, пепел войны, пепел прошлого, которое не желало отпускать. И в этом пепле Дмитрий увидел знак. Знак того, что его старая жизнь сгорела дотла, и из ее пепла должна родиться новая. Или не должна.

Один из хлопьев опустился на его вытянутую ладонь, прямо на черный камень, и тут же рассыпался в пыль. Дмитрий смотрел на это, затаив дыхание. Ему казалось, что в этом есть какой-то символический смысл, какое-то послание, которое он должен разгадать. Пепел и камень. Камень и пепел. Тьма и разрушение. Может быть, это и была его судьба — раствориться в этой тьме, стать частью этого разрушения. Или, наоборот, восстать из пепла, как феникс, и обрести новую жизнь. Он не знал. Он не мог знать. Он мог лишь идти вперед, в неизвестность, надеясь на лучшее и ожидая худшего.

Дмитрий сжал камень в кулаке. Ногти впились в ладонь, причиняя острую боль, которая, как ни странно, помогла ему собраться с мыслями. Эта боль была напоминанием о том, что он все еще жив, что он все еще дышит, что у него есть шанс. Он сделал свой выбор. Может быть, он уже давно его сделал, в тот самый момент, когда его пальцы потянулись к

чужому кошельку. Теперь дороги назад не было. Только вперед, к старой колокольне, в самое сердце паутины. Он знал, что его там может ждать смерть. Но он также знал, что отступление — это тоже смерть, только более медленная и мучительная. А он не хотел умирать медленно. Он хотел умереть быстро, если уж придется. Или выжить.

Ворон расправил невидимые крылья и шагнул в туман, оставляя позади и свою прошлую жизнь, и разбитые надежды, и запах пепла и перьев. Он шагнул в неизвестность, навстречу своей судьбе. Позади остались грязные улицы, нищие бродяги, продажные стражники. Позади остались его старые привычки, его старые страхи, его старые мечты. Впереди была лишь тьма, сгущающаяся с каждым шагом, и в этой тьме ему предстояло либо найти свой путь, либо погибнуть. Но он больше не был просто уличным вором. Он был Вороном. И Ворон всегда найдет способ выжить. Или умрет, пытаясь. Туман сомкнулся за его спиной, поглотив его силуэт, и только тихий шелест падающего пепла нарушал тишину ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.